

Караченцов Николай
Петрович

Диалог друзей

Перефразируя моего любимого поэта Беллу Ахмадулину, я думаю, что у каждого человека есть какое-то тайное и любимое воспоминание, к которому он в суете нашей жизни редко возвращается, но помнит всегда и, часто видя во сне, думает: «Туда вернуться невозможно, но когда-нибудь я снова вернусь туда». Так думаю я о Школе-студии МХАТа, 50-летие которой мы недавно отмечали. Встретились выпускники. Встретился и наш курс актерского факультета, но этой встречи оказалось недостаточно, и через несколько дней мы все, кто в Москве, уже сидели в квартире нашей однокурсницы за фантастическим по сегодняшним понятиям столом. Раздавались телефонные звонки из других городов, и в трубку кричали далекие и родные голоса: «Ребята, мы с вами! Мы помним! Мы любим!».

А потом в моей квартире появился сокурсник и друг народный артист России Николай Петрович Караченцов, а для меня — Никола, «Черночинцев», «Обезьяний брат» — так прозвал его руководитель нашего курса Виктор Карлович Монюков, потому что Колина мама, работающая во Вьетнаме, в отпуск привезла «сувенир» — живую обезьянку.

Я варю кофе, мы вспоминаем, вспоминаем... и, как у Пушкина, «и восклицанья полились...»!

Алла АЗАРИНА,
заслуженная артистка России.

МОЙ БОГ — МОЯ ПРОФЕССИЯ

Николай Караченцов. А ведь наша творческая судьба началась с общего «невезения». Мы ведь оба были приняты в студию как вольнослушатели. Вспомнила? То есть без стипендии.

Алла Азарина. Разве я могу забыть? Сначала решила, что это провал, ничего не поняла. Стою и реву. Выходит Виктор Яковлевич Станицын и говорит: «Если вы сейчас плачете... это только цветочки, все слезы впереди...».

Н. К. А я был счастлив, что приняли, считал себя настоящим студентом. А потом, после первого семестра, нас зачислили уже по всем правилам. Да, если покопаться, можно много общего отыскать.

А. А. А как часто после занятий кормила тебя ужином, ты, надеюсь, помнишь?

Н. К. Еще был! Я всегда был немножко голодным. Мама за границей, а с тобой мы жили по одной ветке метро... Уже два года, как мамы нет!.. Интересно, что, когда она приходила на мои спектакли, я всегда хуже работал, видимо, слишком старался. Я никогда не вижу зрительского зала, я его ощущаю целиком, а ее, где бы она ни сидела, всегда видел. От мамы шел очень сильный ток!

А. А. Она делала тебе какие-то замечания?

Н. К. Да. И всегда точные и самые главные. Знаешь, мне в детстве снилось, как я танцую в Большом театре. Но мама мне запретила туда идти, слишком много сломанных балетных судеб прошло перед ее глазами.

А. А. Может быть, это была одна из удач твоей жизни?

Н. К. Несомненно.

А. А. У Чаплина где-то сказано, что удача и неудача сваливаются на человека случайно.

Н. К. Безусловно. Мы все зависим от случая. Моя счастливая случайность — это приход в театр Марка Захарова и выбор меня на роль Тилья. Я много играл и до него, но театр был не тот! Мне поначалу было безумно трудно работать. Все время в голове сверлило, что придет кто-то другой, Андрей Миронов, например, и Марк Анатольевич скажет: «Извините, Николай Петрович, будем репетировать в два состава». А я знаю, что это такое. Значит, будет он, а не я!

А. А. И что тебе помогло?

Н. К. Не знаю. Вначале миллион замечаний, потом вдруг полное молчание, а мне кажется, я также плохо работаю. Ну, думаю, значит, все, плюнул, ищет другого. На следующий день смотрю в зале сидит какой-то малый с длинными волосами и смотрит так нагло. Мы репетируем, а я уже весь мокрый: решил — вот это он, новый Тиль В конце выяснилось — Валя Манохин, будущий балетмейстер нашего спектакля, но я же не знал!.. Ну вот, спектакль стал бомбой, и, конечно, этот звон, эта бомба привлекли внимание к театру, к Захарову и, естественно, ко мне. А ты как считаешь, твоя первая удача какая?

А. А. Конечно, Шекспир. Наш с тобой неосуществленный спектакль «Ромео и Джульетта». Помнишь, как мы пробовали его репетировать на четвертом курсе? С этого все и началось. Мне очень хотелось сыграть Джульетту, но никто ее мне не предлагал. И тогда мой папа — актер и режиссер — предложил: «А ты попробуй одна...» И я попробовала. Сначала фантазировала сама, потом подключился папа, а потом все завершил режиссер МХАТа В. Н. Богомолов, замечательный педагог из этой плеяды... старых мхатовцев. Работали с упоением, и получалась моя бомба.

А знаешь, что мне интересно узнать? Вот Нэле в «Тиле» играла Инна Чурикова. Она была уже актриса с именем. Скажи, ты ощущал между вами дистанцию, какой-то барьер? Я спрашиваю потому, что меня в свое время буквально поразила Лидия Павловна Сухаревская, которая, пригласив меня сыграть Альку в ее инсценировке повести Ф. Абрамова «Пелагея и Алька», на репетициях создала такую свободную, творческую атмосферу, при которой я даже делала ей замечания, и она, как ни странно, к ним прислушивалась.

Н. К. Я представляю твою ситуацию, но думаю, это не совсем тот пример, в какой-то степени тебе было, может быть, сложнее. Инна — актриса уникальная, но у нее, как говорится, был свой «комплекс». Она пришла в чужой коллектив. Первая роль в театре, главная роль у Захарова... вдруг не получится... Конеч-

но, ни о какой дистанции, менторстве не могло быть и речи, что ты!.. Работать с ней необычайно интересно, вот уж кто не даст расслабиться, «покурить». Сейчас, если она позволит мне так сказать, она моя подруга, очень близкий мне человек. Надеюсь, я для нее тоже.

А. А. У вас с ней потрясающее чувство партнерства. Знаешь, мы так редко говорим друг другу комплименты, что я «решилась» и говорю: «Ты и Инна блистательно играете в «Сорри»!

Н. К. Спасибо. Я вообще благодарен тебе за то, что ты так внимательно относишься к моим театральным работам. Это очень важно для меня, ведь все-таки один язык, одна школа. Захаров работает не так, как нас учили Монюков, Головкин, Станицын. У него свой метод, который я не сразу воспринял. Я сыграл в спектаклях Марка Анатольевича много ролей, но вначале не понимал, скажем, почему здесь на коленях, а там шепотом... Я всю роль расписывал своими значками, переводил на тот знакомый мне язык, ведь любой профессионал сразу бы увидел, что я иду от краски к краске, от трюка к трюку, и

ню такого, ну чтобы я, безумно влюбившись, потерпел сумасшедшее фиаско и это сжигало бы всего меня, сбило с ног, я бы развалился, играл отвратительно. Нет, такого не было. Любовь для меня влияет на работу, но не кардинально. Я знаю только одно, что, если бы не было моей среды обитания — театра, кино, эстрады, — я бы умер. Мой Бог — моя профессия!

А. А. А как же теннис? Играл ведь с самим Президентом.

Н. К. Это чистая случайность. Есть такой турнир — «Большая шляпа». Это турнир для «чайников», т. е. для людей, которые не умеют играть, но очень любят. В нем могут участвовать вроде как бы знаменитости, но только те, кто когда-либо печатался в журнале «Теннис плюс». У меня там было довольно странное интервью, и поэтому меня пригласили. По условиям победителем должен вручаться какой-то приз. И поскольку организатором турнира был Шамиль Тарпищев, являющийся советником Президента по спорту и сам тренер нашей сборной, он договорился: победители турнира играют с Ельциным... в качестве подарка. Турнир парный. Мы с Борисом Ноткиным стали победителями, и нас пригласили играть, и все. Я с Ноткиным, Борис Николаевич с Тарпищевым. Кто выиграл? Естественно, не мы. Ведь Тарпищев — заслуженный мастер спорта.

А. А. Итак, твоя творческая жизнь — это цепь сплошных случайностей. Слава Богу!

Н. К. Тьфу, тьфу, тьфу — только не слезы! Умоляю! У тебя они тоже были и, уверен, будут еще.

А. А. Буду считать такой счастливой случайностью, если сыграю когда-нибудь с тобой в одном спектакле.

Н. К. Я бы тоже этого хотел.

А. А. Сейчас всех волнует будущее России, и все больше звучат в сегодняшнем хаосе мнений и нескончаемых спорах голоса актеров, деятелей культуры.

Н. К. Мне кажется, если это люди талантливые, а в основном речь идет о состоявшихся художниках, то совершенно ясно, что больше пользы принесут бы, занимаясь своей профессией, тем, в чем они действительно сильны. Правда, бывает, что у человека, скажем, есть литературно-политический дар, как, например, у Марка Захарова. И тем не менее... Марк Анатольевич за последние четыре года поставил два спектакля: «Школа для эмигрантов» и «Фигаро». За четыре года! Безусловно, приятно иметь в президентском совете такую личность, его талантливое перо. Захарова слушают, к нему прислушиваются. А мне все равно жалко (ревность срабатывает), что мы теряем драгоценные минуты совместной работы. Я думаю, лишний спектакль все равно ценнее! У него!

И еще, наверное, самое важное: слишком часто, видя лица на экране ТВ, я, к сожалению, немногим из них верю. То есть, я могу понять, когда это крик души, но такой крик я слышал только один раз, в ту жуткую октябрьскую ночь, когда разрывалось сердце у Лии Ахеджаковой. В других случаях я начинаю подозревать (не хочу никого обидеть), что выступление по телевидению — это очередное использование возможности еще раз «засветиться», напомнить о себе в новой политической ситуации: «Ребята, я с вами, я здесь, я на коне!...». И вот это меня еще больше пугает.

А. А. Да, ты прав. Художник может гораздо сильнее влиять на общество через свое творчество. Но все же, играя роли, ты высказываешь не свои мысли и играешь не всегда положительных героев. А ведь многих людей интересует, что думает по тому или иному поводу не актер, а человек — Николай Караченцов. А он почему-то молчит.

Н. К. Может, ты и права... Но, тогда, наверное, если башка хорошо прикручена к этим плечам, сто раз нужно взвесить, в какой момент следует выступить. Потому что сегодня мой глаз, мое ухо подустали от этого мелькания театральных деятелей на политической арене. А вообще я оптимист по природе и надеюсь, что, хотя мы и живем в век дилетантизма, мы перепашем, перемелем это трудное время, встанем на профессиональные ноги закона, и Россия будет страной истинной демократии. Я в это верю!

И пока Коля говорит, я смотрю на него и думаю: какой же у меня друг — Николай Караченцов. Надежный и открытый, знаменитый и талантливый. И это главное. А вот все остальное ждет нас впереди. Да будем мы с своим друзьям призрачными. Да будем думать, что они прекрасны! Терять их страшно, Бог не приведи!».

Фото Тошия Мацусима.